

«Семеновы люди»: их территория и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века

О «Семеновых людях» исследователям стало известно в конце 30-х гг. XIX в., когда были изданы первые документы из посольских книг *Литовской метрики*. О них, в частности, информировали некоторые акты «Сборника князя Оболенского №1»¹. Однако, это издание дипломатических актов, как и некоторые последующие², не способствовало изучению рассматриваемой проблемы, главным образом из-за неудовлетворительного уровня передачи древних текстов. Позитивные сдвиги в изучении проблемы «Семеновых людей» произошли на рубеже XIX–XX вв., когда на основе разработанных археографических правил началось систематическое издание актов *Литовской метрики*. Особую роль в этом сыграли изданный в 1881 г. специальный тематический сборник Казимира Пулаского³ и первая попытка фронтального издания 4-й и 5-й книг записей *Литовской метрики* в «Русской исторической библиотеке»⁴. Они впервые сделали доступными для исследователей документы дипломатической переписки между правителями Литвы и Крыма за 1479–1506 гг., в которой больше всего сохранилось известий о «Семеновых людях».

Первое такое известие датируется октябрем 1480 г., последнее — 1497 г. Рассмотрим их в хронологическом порядке, обращая внимание на обстоятельства их появления и значение для изучения проблемы.

(1) В ярлыке («присяжном листе») крымского хана Менгли Гирея от 15 октября 1480 г., доставленном в Литву его послом Байрашем, впервые указывалось: «Штожь отець мои Ажь Кгиреи, царь, князю Семену котории подавалъ люди, тые

1 Сборник князя Оболенского №1. Книга посольская Метрики Литовской. 1506. М., 1838.

2 Сборник Муханова. СПб., 1866; Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 г. Сочинено из старинных книг и столпцов, хранящихся в Московской государственной коллегии иностранных дел архиве переводчиком Алексеем Малиновским 1793 года. ЗООИД. Т.5. Одесса, 1863, 178–419.

3 *Stosunki Polski z Tatarszczyzną od połowy wieku XV. T. 1: Stosunki z Mendli Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515). Akta i listy*. Wydał i szkicem historycznym poprzedził Kazimierz Pułaski (далее — К. Pułaski. *Stosunki...*). (Kraków–Warszawa), 1881.

4 Литовская Метрика. Отдел первый. Часть первая. Книга записей. Т.1. РИБ: 27. СПб., 1910. Новейшее издание: *Lietuvos Metrika. Knyga Nr.4 (1479–1491). Užrašymų knyga 4* (Vilnius, 2004) (далее — LM: 4).

люди мне бы отъдалъ»⁵. В этом послании к королю польскому и великому князю литовскому Казимиру IV Ягеллону хан Менгли Гирей (1468–1474, 1478–1515) сообщает, что Хаджи Гирей, его отец и крымский «царь» (1443–1444, 1449–1466), дал некогда некоему князю Семену неких «людей» и требует их вернуть. Ярлык был выдан уже после того, как в сентябре 1480 года государственный совет Крымского ханства, в соответствии с только что заключенным антилитовским союзным договором с Московским государством принял решение начать военные действия против Великого княжества Литовского и его союзника — Великой (Заволжской) Орды⁶. Большое войско во главе с Менгли Гиреем уже выступило в поход, но, встретив на своем пути литовское посольство князя Ивана Глинского, возвратилось в Крым⁷. Незамедлительно начались переговоры, в результате которых 15 октября прежний литовско-крымский договор о «дружбе» и союзе был подтвержден новой присягой хана, что и запечатлел рассматриваемый присяжный ярлык. Но именно в этом документе Менгли Гирей возвращение «Семеновых людей» под свою власть сделал главным условием соблюдения им верности только что подтвержденному литовско-крымскому союзу.

(2) Требование возвратить «Семеновых людей» было повторено в очередном ярлыке Менгли Гирея к Казимиру IV в таких словах: «Што жь цар, отець мой, князю Семену што дань людъ, ты король, братъ, мне, брату своему, отъдаси»⁸. Ярлык появился на свет в 1484 г. в связи с мирной миссией еще одного литовского посольства во главе с паном Петрашем и Зеньком, которые присягнули перед крымским ханом в верности своего сюзерена возобновленному договору о мире и союзе между Крымом и Литвой. В этом же послании Менгли Гирей заявил о своей согласии отдать сына в заложники для укрепления крымско-литовского союза, но реализацию этого условия опять же поставил в зависимость от возврата «Семеновых людей», а также оплаты строительства ханской крепости в низовьях Днестра.

(3) Ответ литовской стороны на требование крымского хана был дан спустя несколько лет, в королевском послании, датированном 22 августа 1486 г. В нем Казимир IV уклончиво заметил:

Такъжо што еси всказал к намъ и въ ярлыкохъ своихъ писал, напоминая насъ о людехъ, которихъ бы р[е]комо отець твои цар Ачь Кгирей далъ небощику князю Семену, и о помочь, ино и самому тебе о томъ, брату нашому, естъ ведомо, ижъ отець твои цар Ачь Кгирей с нами былъ в братстве и въ приязни, и въ правде твердои ажъ до своего живота, а намъ о томъ николи не напоминаль⁹.

5 LM: 4, 91–92, № 29.1.

6 Ярлык Менгли Гирея великому князю московскому Ивану III см.: *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел*. Ч. V. М., 1894, 2. Док. № 4; также: Малиновский А. *Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год*, 368–369. Док. №3.

7 Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów* (Warszawa, 1930), 341–343.

8 LM: 4, № 47.2.

9 LM: 4, 142, № 132.

(4) В 1497 г. сын Казимира IV, великий князь литовский Александр, наконец твердо и окончательно заявил:

А што пишешъ, што ся тычеть волости, што отец твои будет князю Семену дал, ино мы о томъ ничего не ведаемъ. Што отецъ нашъ держалъ и на чомъ пановал, то и мы, з Божеею помощью, держымъ отчину и дедину нашу, а чужого ничего не держымъ¹⁰.

В этом документе, как видим, «Семеновы люди» впервые сопоставлены с определенной территорией (волостью), а процитированные выше слова Александра Казимировича, по сути, означали окончательный отказ литовской стороны удовлетворить территориальные притязания правителя Крымского ханства.

(5) На отказ на свои домогательства Менгли Гирей незамедлительно ответил посольством Куямберды (1497) и еще одним ярлыком. В нем хан подтвердил прежнюю «просьбу» вернуть «люди», отданный его отцом «князю Семену в руже», мотивируя ее на этот раз тем, что возврат «Семеновых людей» позволит ему, мол, удовлетворить алчность крымских царевичей и знати, и тем самым предотвратит новые разорительные набеги на территорию Великого княжества Литовского.

И тежь [значится в ярлыке] какъ жо пишете, ижь просил есми от васъ люду, которы жо данъ князю Семену в руже напротивьку отъцу нашому, которы прислухал к Орде н(а)шои, и тотъ людъ видели есте в рукахъ отца вашого какъ бы свои. И мы тых людеи просимъ не для окрутенъства, але ижь быхмо могли досыт учинити сыномъ нашымъ и некоторымъ бояромъ нашымъ, бо ведаемъ, ижь в рукахъ нашихъ толко не маемъ, што быхмо могли тым досыть вчинити, котории бы вамъ не мели шкодити. Про то вы на того мыслите а на тых незабороняите, а на тьи наши две прозбе даите намъ отповед¹¹.

Следует особо отметить, что в этом документе впервые определенно говорится о подвластности «Семеновых людей» Крымскому ханству до того, как его правитель Хаджи Гирей «дал» их князю Семену.

После посольства Куямберды 1497 г. крымско-литовские дипломатические отношения были прерваны в связи с начавшимися регулярными нападениями крупных воинских соединений Крымского ханства на Великое княжество Литовское. Перерыв длился шесть лет. После его окончания в литовско-крымской дипломатической корреспонденции речь о «Семеновых людях» более не шла.

(6) Тем не менее в 1499 г. они снова были упомянуты, но на этот раз в ярлыке Менгли Гирея к московскому великому князю Ивану III, который тогда выступил посредником в переговорах о мире между Крымом и Литвой. Ярлык доставил в Москву ханский посол Ази-Халиль и в нем указывалось: «Нашіе Орды дан-

10 Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Užrašymų knyga 5 (Vilnius, 1993), 121, № 71.2; 132. (далее — LM: 5).

11 LM: 5, 122–123, 124. №72. 4.

щики отца моего князю Семену киевскому отданіе есть, коли Сеит Ахметя царя отвезли в Литовскую землю, — и тѣх ординских данщиков наших людей нам отдаст»¹². Это известие представляет особенную ценность: оно не только подтверждает факт даннической зависимости «Семеновых людей» от власти крымского хана и содержит хронологическую привязку, позволяющую датировать их последующую «передачу» Великому княжеству Литовскому, но и впервые достаточно точно называет их непосредственного реципиента — киевского князя Семена Александровича (Олельковича, 1454–1470). Не менее важным представляется также то обстоятельство, что тот же посол Ази-Халиль передал через Ивана III великому князю литовскому Александру Ягеллону требование Менгли Гирея вернуть под ханскую власть города Чернигово-Северщины и «верховские волости», ранее подконтрольные ханским даругам и регулярно платившие дань Орде¹³. Другими словами, в этом ярлыке впервые после длительного перерыва был поставлен вопрос о возобновлении уплаты регулярной дани с части украинских земель Великого княжества Литовского. Но и это требование было решительно отклонено правителем Литвы.

Как видим, «Семеновы люди» упомянуты в ярлыках хана Менгли Гирея четырежды: в двух, адресованных королю польскому и великому князю литовскому Казимиру IV, одном — его сыну Александру и наследнику великокняжеского трона в Литве, и еще в одном, написанном для великого князя московского Ивана III. Большинство ханских известий однотипны — они лишь фиксируют факт передачи «Семеновых людей» основателем Крымского ханства Хаджи Гиреем, как впоследствии выяснилось, «князю Семену киевскому» и содержат требование вернуть их под ханскую власть. Тем не менее, именно Менгли Гирей сообщил важные подробности, без которых изучение проблемы не представляется возможным. В частности, он дважды проговорился, информируя, что до передачи «Семеновых людей» киевскому князю они «прислухали к Орде нашей» и были «данщиками отца моего», то есть до своего переподчинения находились какое-то время под властью крымского хана Хаджи Гирея, и что эти «люди» были отданы киевскому Олельковичу, «коли Сеит Ахметя царя отвезли в Литовскую землю». То есть, Менгли Гирей соотнес переподчинение «Семеновых людей» с известным фактом разгрома зимой 1455/1456 гг. на Подолье и в Киеве, пленения и последующего заточения в Ковно (Каунасе) Сейид Ахмета, хана наиболее могущественной из восточноевропейских Орд¹⁴, которая в 40–50-х гг. XV в. господствовала в лесостепной и степной зонах Волжско-Днепровского междуречья.

Гораздо меньше информации можно почерпнуть из посланий в Крым литовских правителей. Но именно в «листе» великого князя литовского Александра

12 *Сб. РИО*: 41, 287.

13 *Сб. РИО*: 35, 290.

14 Об этом знаменательном эпизоде в истории крымско-литовско-польских отношений сообщает Ян Длугош (см.: Jana Długosza *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście* (Kraków, 1868): V, 184, 201). Его изучали Л. Колянковский и Ф. Конечный (Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, 241–243; Koneczny F., “Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej,” *Ateneum Wileńskie* (Wilno, 1925–1926). R. III, 201, not. 2).

впервые под термином «Семеновы люди» подразумевается определенная, принадлежавшая им, территория.

Длительное время о «Семеновых людях» историкам не было известно ничего определенного и, тем более, доказательного. Думается, что причину этого следует искать в скудости информации источников по данному вопросу и в затрудненном доступе исследователей к актам *Литовской метрики* во второй половине XIX — начале XX вв. по причине растянувшегося на десятилетия издания ее посольских книг. Такую же роль сыграла также слабая источниковедческая изученность других документальных источников XV–XVI вв. и в целом истории политических взаимоотношений Великого княжества Литовского и Короны Польской с восточноевропейскими ханствами во второй половине XV века. Лишь в самом конце 1920-х гг. польские историки Феликс Конечный и Людвиг Колянковский, проанализировав все известные к тому времени сведения актовых источников о «Семеновых людях», сделали ряд выводов, вполне сохранивших свою научную ценность и поныне. Ими, в частности, было установлено: 1) употребляемый в актах термин «Семеновы люди» тождественен определенной территории («волости») ¹⁵; 2) передача крымским ханом Хаджи Гиреем этих «людей» под власть киевского князя Семена Александровича (Олельковича) напрямую связана с окончательным разгромом Орды Сеид-Ахмета и пленением ее хана в Киеве в начале 1455 г., а также с передачей Казимиром IV старшему Олельковичу уряда брацлавского наместника ¹⁶; 3) само требование Менгли Гирея вернуть под ханскую власть «Семеновых людей» было первым в ряду последующих территориальных претензий, предъявленных Крымским ханством Великому княжеству Литовскому в ходе их военно-политического противостояния в последнем двадцатилетии XV и в первых декадах XVI вв.

В частности, польские исследователи пришли к выводу, что требования Менгли Гирея вернуть под ханскую власть «Семеновых людей» были только частью

15 Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, 240, 352. Koneczny F., „Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej,” 240. Правда, Ф. Конечный вскоре поставил этот свой вывод под сомнение, утверждая, что «неизвестно, шла ли речь о каком-то пространстве земли или о какой-нибудь татарской дружине». См.: Koneczny F., *Litwa a Moskwa w latach 1449–1494* (Wilno, 1929), 177.

16 Говоря о дальнейшей судьбе остатков этой Орды, Л. Колянковский отметил, что «все они попали в руки Хаджи Гирея, «взявшего» тогда всю орду Сейид-Ахмета, которую всегда считал своим наследством. Определенная ее часть осталась, однако, на литовской окраине в пределах нового наместничества князя Семена. Были это те «Семеновы люди», о возврате которых впоследствии на протяжении многих лет энергично напоминал сын Хаджи, Менгли Гирей». Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, 283. Вероятнее всего, польский король и великий князь литовский Казимир IV пожаловал Семену Олельковичу брацлавское наместничество во время сессии Виленского сейма, очевидно, в январе–феврале 1457 г., когда он, по свидетельству Я.Длугоша, «щедрыми пожалованиями» умиротворил оппозицию литовской знати во главе с Яном Гаштольдом, тестем киевского князя. Обрато в Польшу король выехал в начале марта 1457 г. См.: Długosz, *Opera omnia*, (Cracoviae, 1878): XIV, 240, 241; Любавский М. *Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства*. М., 1900, 122–123. Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, 281–282; 291–292.

территориальных претензий Крымского ханства на земли Южной Руси и Подолье, уступленные золотоордынским ханом Токтамышем правителю Великого княжества Литовского Витовту в 1398 г. по специальному ярлыку. Пожалование Токтамышша Витовту подтвердил в 1461 г. своим ярлыком основатель Крымского ханства Хаджи Гирей, а в 1472 г. и сам Менгли Гирей¹⁷. Эти ханские подтвердительные документы лишали территориальные претензии Менгли Гирея к правительству Великого княжества Литовского каких-либо правовых оснований, и делали невозможным использование последних как легального повода для развязывания военных действий. «Поэтому, — подчеркивал Ф. Конечный, — не сразу пошла речь о господстве над всей Литовской Русью. Началась она с тех загадочных «Семеновых людей», с того дела, которое долго висело над литовско-перекопскими отношениями как средство, удобное для того, чтобы обернуть его против Литвы в случае необходимости»¹⁸.

В настоящее время выводы Ф. Конечного и Л. Колянковского нуждаются в определенной коррекции. Во-первых, следует сразу оговорить, что ордынское Подолье и Южная Русь отошли в 1362 г. к литовскому государству и его главе Ольгерду по ярлыку нелегитимного, но в то время фактического, правителя Золотой Орды князя Мамая. Укоренившееся в историографии мнение о том, что эти территории отошли к Литве по ярлыку золотоордынского хана Токтамышша, который тот выдал литовскому правителю Витовту в 1398 г., явно устарело. Прежде всего, оно не соответствует данным некоторых давно известных актов и нарративных источников, которые свидетельствуют о принадлежности Подолья и Южной Руси Великому княжеству Литовскому уже в 1395–1396 гг. Во-вторых, как представляется, именно овладение Крымским ханством большинством территорий, которые Золотая Орда утратила более чем столетие назад, и являлось стратегической целью предпринятых в 1480–1512 гг. по инициативе крымскотатарской феодальной элиты систематических опустошительных походов ханских войск на владения Литвы и Польши в украинских землях. Для правящей в Крыму династии Гиреев и поддерживавшей ее крымскотатарской элиты крымско-литовское военно-политическое противостояние было, в сущности, попыткой реализовать выдвинутые ими примерно в то же время претензии на историческое наследие Золотой Орды, в том числе территориальное.

К сожалению, в настоящее время наблюдения и выводы Ф. Конечного и Л. Колянковского относительно «Семеновых людей» остаются неизвестными большинству историков¹⁹, в частности, украинских²⁰. Этот достойный сожа-

17 Koneczny F., "Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej," 199, 201, 203, 206; Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, 319, 328.

18 Koneczny F., "Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej," 240.

19 Исключение составляют, разумеется, польские историки, следующие традициям отечественной историографии. См., например: Tyszkiewicz J., *Tatarzy na Litwie i w Polsce*, (Warszawa, 1989), 139: «земля «Семеновых людей» находилась над Нижним Днепром».

20 В данном случае примером могут послужить работы украинских историков Я. Дашкевича и Е. Русинои, в которых термин «Семеновы люди» не воспринимается как обозначение значительной территории. См.: Дашкевич Я. Україна на межі між Сходом і Заходом (XIV–XVIII ст.) *ЗНТШ*. Т. ССХХІІ, Львів, 1991, 28–44; Русина О. *Україна під татарами і Литвою*. К., 1998, 151. Показательно, что проблема «Семеновых людей», имеющая все признаки политической, не

ления факт без сомнения является результатом восьмидесятилетнего перерыва в изучении данной проблемы и отсутствия глубокого научного интереса к ней у современных историков-медиевистов. Вот почему остаются все еще не выясненными конкретные обстоятельства инкорпорации территории «Семеновых людей» в состав Великого княжества Литовского и призабытыми непосредственно связанные с нею некоторые важные события политической жизни Великого княжества Литовского и его отношений с Польским королевством и Крымским ханством. В частности, до сих пор не решены такие вопросы, как локализация указанной территории, когда и в силу каких причин состоялась ее передача под власть киевского князя, был ли и каким образом оформлен этот акт на межгосударственном уровне. Рассмотрению преимущественно первого из указанных вопросов и посвящена настоящая статья.

Определить местонахождение территории «Семеновых людей» пытались еще Л. Колянковский и Ф. Конечный. С этой целью они привлекли сведения акта об «обводе», то есть демаркации южной границы Великого княжества Литовского, которую исполнил, как явствует из текста документа, Свирплов, черкасский наместник киевского князя Семена Оленьковича (1454–1470)²¹. Оба исследова-

значится и в новейшем исследовании. См.: Василенко В. *Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях XIX — першої третини XX ст.* Дніпропетровськ, 2006.

21 *Lietuvos Metrika (1540–1543). 12-oji Teismų bylų knyga. (XVI a. pabaigos kopija)* (Vilnius, 2007), 82. Dok.72 (далее — *LM*:12): «А на тые границы князь Семен Оленькович высылал наместника своего Свирплова, который от него Черкасы держалъ, и тот по тым местцомъ розеждчал, и по тым врочищамъ границы клал, як и з землею татарскою, так и з Бельмъ городом, так тежъ зъ землею Волоскою». Оригинальный заголовок акта таков: «Граница князству Лим(о) вскому зъ землею татарскою Перекопскою, Очаковом, Бельмъ городом и землею Волоскою». Он изначально не имеет даты, впервые издан в середине XIX в. См.: *АЗР*: 2, 361–362. Док. №199. Его издатели прочитали фамилию черкасского наместника как Свиридов и датировали акт 1540-ми годами, ибо он, согласно их примечанию, был найден среди документов того времени. Литовские издатели не предложили своей версии датировки. Копия этого документа конца XVIII в. в переводе на польский язык имеется в «Теках Нарушевича»; она датирована 1542 г. См.: *AGAD. Zespól: Teki Naruszewicza*. Т.6: Akta historyczne z lat 1530–1544. К.266–266v. В *Литовской метрике* предшествующий акту об «обводе» документ озаглавлен таким образом: «Такова наука короля, его милости, державцы вруцькому пану Крыштофу Кмитичу дана, о границахъ межы панствы короля, его милости, и землею Волоскою, также Белогородом». См.: *LM*: 12, 81–82. Док.71. Его содержание указывает на прямую связь появления акта «обвода» со сбором в начале 1540-х гг. документальных свидетельств для польско-литовского посольства во главе с Бернардом Матеевским и Кшиштофом Кмитичем. Посольство должно было решить в Стамбуле территориальный спор между Портой и Краковом о пределах владений Великого княжества Литовского на юго-западе. Спор этот был инициирован турецкой стороной еще в конце 30-х гг. XVI в. и в начале шел вокруг вопроса об «очаковских границах», пересмотра которых добивалось Крымское ханство при дипломатическом содействии Османской империи, его созерена. Сам же «обвод» южных границ Великого княжества Литовского черкасским наместником Свирпловым следует датировать, скорее всего, весной–летом 1457 или, самое позднее, весной 1458 г. Нижней хронологической гранью здесь служит пожалование Казимиром IV Семену Оленьковичу брацлавского наместничества (см. выше прим. 16), а верхней — реализация киевским князем новых полномочий. Конкретно, 12 июня 1459 г. «на Прилуце, за Днепром» Семен Оленькович выдал своему слуге Иеремии Шашку жалованную грамоту на ряд имений, расположенных на северо-западной окраине Брацлавского повета по рекам Русаве и Каменице, левом притоке Днестра. В этой грамоте старший Оленькович титулуется себя князем «великого князства своего Киевского», но на самом деле, — это очевидно, — реализует

теля явно исходили из того факта, что данный акт несомненно зафиксировал определенные изменения на крымско-литовском пограничье после окончательного разгрома Орды Сеид-Ахмета зимой 1455/1456 гг. В виду важности обозначенных в нем очертаний южной границы Великого княжества Литовского для локализации территории «Семеновых людей» уместно будет процитировать соответствующий фрагмент документа полностью. Граница эта начиналась

от Марафы, речки, которая в поли в Дънестръ, и на низ Дънестромъ по половине Дънестра мимо Тегиню ажъ, где Дънестръ упаль в море, а оттоль устя Дънестрова лименом пошла граница мимо Очакова ажъ до устя Дънепрова. А Очаковъ на земли в(а)шей милости г(о)с(по)дарьской стоить. А от устя Дънепрова до Таваня, у Таваня перевозы были вашей милости г(о)с(по)дарьские напылы с перекопскимъ царемъ. А по той стороне Тавоня с Перекопскою землею граница вашей милости по Овечу воду и уверхъ Овечее воды, а от верховъ Овечое воды — уверхъ Сомора и уверхъ Ория ажъ до Донъца, а от Донъца — по Тихую сосну²².

Располагая актом «обвода» Свирploва и совершенно правильно увязывая его создание с политическими событиями конца 1450-х гг. в Украине и Литве, Л. Колянковский и Ф. Конечный, тем не менее, не имели возможности сопоставить данные этого документа со сведениями какого-нибудь другого подобного, но более раннего, источника, чтобы локализовать территорию «Семеновых людей», ибо историческая наука в то время таким источником не располагала. Вот почему высказанные ими мнения о местонахождении «Семеновых людей» являются не более, чем догадками²³. Этот вывод в еще большей мере касается историков младших поколений, как правило, опиравшихся в данном вопросе на мнение предшественников. Думается, что нерешенность вопроса о территории

полученные ранее права великокняжеского наместника Восточного Подолья (Брацлавщины). См.: Жалованная грамота князя Семена Александровича слуге своему Иеремии Шашку на различные именья. 1459 года, июня 12. *Грамоты великих князей литовских с 1390 по 1569 год*. Под ред. В. Антоновича и К. Козловского. К., 1868, 19. Док. № 9.

22 *ЛМ*:12, 82. *Док*.72, 82. Известны две реки с названием Овечья Вода, существовавшие ранее на Нижнеприднепровском Левобережье: первая из них — это левый приток Днепра ниже реки Конские Воды (совр. Конская); вторая — приток Самары, левого притока Днепра, ниже реки Бык. См.: *Словник гідронімів України*. К., 1979, 393; Стрижак О.С. *Назви річок Запоріжжя і Херсонщини (Нижньонаддніпряньське Лівобережжя)*. К., 1967, 59. Без сомнения, в акте «обвода» указана та Овечья Вода, которая впадала в Днепр ниже р. Конской и, следовательно, находилась ближе к устью Днепра. Упомянутые также в акте другие левые притоки Днепра идентифицируются следующим образом: «Сомора» — это, несомненно, Самара, «Орий» — Орель, «Донец» — Северский Донец.

23 Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, 352–353: «Трудно определить точно места этих «Семеновых людей», — заметил Л. Колянковский, — скорее всего, каких-то остатков Сеид-Ахметовых улусов. Возможно, что они находились где-то возле Тавани или в полях у Овечьей Воды, но, похоже, их следует локализовать на Побережье, там, где вскоре возникнут Менгли Гиреевы очаковские «крепостцы». Ведь именно там понаставил в свое время по поручению князя Семена его черкасский староста новые пограничные знаки». В свою очередь Ф. Конечный предположил, что в актах с упоминанием о «Семеновых людях» «речь определенно идет о некоей территории, занятой этими «людьми»; возможно, о какой-то части пограничного пояса Киевщины, поскольку пожалование касалось Семена Омельковича Киевского». Koneczny F., «Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej», 240.

«Семеновых людей» имела своим следствием не только преуменьшение оценки научной и политической значимости рассматриваемой проблемы в целом, но и сыграла роль одной из причин ее столь длительного забвения в историографии.

Украинский исследователь Федор Петрунь на исходе 1920-х гг., то есть одновременно с появлением разработок польских историков о «Семеновых людях», опубликовал первые результаты изучения им подтвердительных ярлыков крымских ханов на украинские земли²⁴. Сохранившийся комплекс их текстов он планировал издать в рамках программы регионального изучения истории Украины, которую разработала и осуществляла возглавляемая М. Грушевским Историческая секция Всеукраинской академии наук (ВУАН)²⁵. Исходя из источниковедческой оценки ярлыков М. Грушевским, Ф. Петрунь выделил в составе этих актов их традиционное «ядро» и внесенные в него позднейшие вставки, локализовал многие указанные в нем населенные пункты, высказал свое мнение о способе репродукции ярлыков, последовательности и датах их выдачи от Токтамыша до Менгли Гирея²⁶. Тем самым в научный оборот был введен новый ценный источник по истории политических взаимоотношений крупнейших государств Восточной Европы в позднее средневековье, содержащий историко-географический материал, которого не хватило Л. Колянковскому и Ф. Конечному для локализации территории «Семеновых людей».

Особое внимание Ф. Петрунь уделил исторической основе («ядру», «оси», по его определению) ярлыков — перечню территориальных комплексов и населенных пунктов Южной Руси и золотоордынского Подолья, пожалованных некогда ханами Литве, а также определению южной границы Великого княжества Литовского. В частности, исследователь сопоставил географическую номенклатуру перечня ярлыка Менгли Гирея от 2 июня 1507 г., как наиболее полного и «исправного» среди других подобных ярлыков, с топонимией актов XV, XVI и начала XVII вв., и, прежде всего, двух других также масштабных историко-географических источников, — созданного в окончательной редакции в 1396 г. летописного «Списка русских городов дальних и ближних» и так называемого «Списка городов Швидригайла», датируемого обычно 1432 г. Каждый из этих письменных памятников специфичен как исторический источник и содержит определенную информацию о южной границе Великого княжества Литовского, какой она была на момент их создания.

24 Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу. *Східний світ*. Харків, 1926. №6, 155–175. Петрунь Ф. Степове Побужжя в господарським та військовим укладі українського пограниччя. Замітки до Броневського та Боплана. *Журнал научно-дослідницьких кафедр в Одесі*. Одеса, 1926. Т. 2, 91–103. Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну). *Східний світ*. Харків, 1928, №2, 170–187 (перезд.: *Східний світ*, К., 1993, №2, 133–143). Петрунь Ф. Східна межа Великого князівства Литовського в 30-х роках XV сторіччя. *Ювілейний збірник на пошану академіка М.С. Грушевського*. К., 1928, 165–168.

25 См.: ІР НБУВ. Ф. Х, №17952–17953. Петрунь Ф. Розшукування з поля мапографії по архівах і книгозшивах Москви, Ленінграда та Симферополя. *Україна*, К., 1929, №37, жовтень–листопад, 163–166.

26 Подробнее об этом см.: Шабульдо Ф. Про ярлик Мамає на землі України-Руси (постановка і спроба розв'язання проблеми). *Держави, суспільства, культури: Схід і Захід. Збірник на пошану Ярослава Пеленського*. Нью-Йорк, 2004, 1030, 1047–1048.

Наиболее древний слой этой информации содержится в текстах первых из сохранившихся ярлыков крымских ханов: Хаджи Гирея (22 сентября 1461 г.) и Менгли Гирея (1472 и 2 июля 1507 г.). Еще в начале XX в. благодаря специальным исследованиям Михаила Грушевского²⁷, Антони Прохаски²⁸ и самого Федора Петруня в историографии укоренилось мнение о том, что архетипом всех документов такого рода был ярлык, выданный в 1398 г. золотоордынским экс-ханом Токтамышем (1380–1395) великому князю литовскому Витовту Кейстутовичу (1392–1430). Оно было пересмотрено лишь в конце 1990-х гг. Современная и более аргументированная версия утверждает, что подобные акты правителей Крымского ханства восходят не к ярлыку золотоордынского хана Токтамыша, как утверждается в тексте некоторых из них, а к первому жалованному ярлыку такого рода всесильного временщика и узурпатора ханской власти в Золотой Орде темника Мамая (1362 и 1366–1375). Этот ярлык Мамай выдал в самом конце 1362 г. своему союзнику великому князю литовскому Ольгерду (Альгирдасу, 1345–1377) от имени хана-марионетки Абдуллы (Авдули)²⁹. Надо полагать, что Мамаевым ярлыком были подведены итоги успешной для Великого княжества Литовского кампании против «Волжского» царства, правителями которого после прекращения династии потомков Бату-хана в начале 1360-х гг. стали царевичи-джучиды из Кок-Орды (восточной части Улуса Джучи). Кампания была осуществлена военными силами Великого княжества Литовского в союзе с Мамаевой Ордой летом–осенью того же года, ее непосредственным результатом стала передача под власть и в полную собственность правящей в Литве династии Гедиминовичей обширной территории Южной Руси вместе с большей частью Украины-Руси, а также золотоордынского Подолья. Последую-

-
- 27 Грушевський М. Ханський ярлик на руські землі, виданий в.кн. литовським. Грушевський М. *Історія України-Руси*: В 11 т., 12 кн. Репр. вид. Т.4. К., 1993, 85–87, 314–315; 457–462, прим. 20.
- 28 Prochaska A., “Z Witoldowych dziejów. Układ Witolda z Tochtamyszem 1397,” *Przegląd Historyczny*. 1912. T. XIV, z. 3, 255–270.
- 29 Подробнее об антиордынской (антиджучидской) кампании ВКЛ 1362 г., ее результатах и последствиях см.: Шабульдо Ф. Возвращаясь к синеводской проблеме: о некоторых результатах и последствиях антиордынской кампании Великого княжества Литовского в 1362 г. *Славяне и их соседи. Сборник тезисов 17-й конференции памяти В.Д.Королюка: Славяне и кочевой мир. Средние века–раннее Новое время*. М., 1998, 145–146. Szabuldo F., “Czy istniał jarлык Mamaja na ziemie ukraińskie? (Próba postawienia problemu),” *Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia Historica*. IX (Poznań, 2003), 153–172. (Переизд. на укр. яз.: Шабульдо Ф. Чи був ярлик Мамаєва на українські землі (до постановки проблеми). *ЗНТШ*. Т. ССХІІІ: *Праці історично-філософської секції*. Львів, 2002, 301–317; Шабульдо Ф. *Синеводська проблема у новітніх дослідженнях*. К., 2005, 100–122); Шабульдо Ф. Про ярлик Мамаєва на землі України-Руси (постановка і спроба розв’язання проблеми), 1025–1059. Шабульдо Ф. Ярлыки крымских ханов на земли Южной Руси (Украины) XV–XVI вв. как исторический источник. *Восточная Европа в древности и средневековье. 17-е Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Паушто, 4-е Чтения памяти доктора исторических наук А.А. Зимина*. Москва, 19–22 апреля 2005 г., М., 2005, 285–288; Шабульдо Ф. Антиордыńska (антиджучидська) кампанія Великого князівства Литовського 1362. *Історія України. Енциклопедичний довідник*. К., 2008, 40–41. Šabuldo F.M., “Lietuvos ir Ordos kondominiumas ukrainos žemėse XIV a.,” *Lietuvos istorijos metraštis*. 2004 metai, 2 (Vilnius, 2005), 5–26. (Переизд. на укр. яз.: Кондомініум в українських землях XIV століття. *ЗНТШ*. Т. ССХІІ: *Праці історично-філософської секції*. Львів, 2006, 7–22; на рус.: Кондоминатный статус украинских земель в XIV в.: от первых территориальных приобретений Польши и Литвы во владениях Золотой Орды до ярлыка Мамаєва. *Balkanica Poznaniensia*, XIV (Poznań, 2007), 157–18).

щие ярлыки (как золотоордынских ханов из рода Токтамыша, так и правителей Крымского ханства) лишь подтверждали пожалование Мамай Ольгерду, копируя «слово в слово» перечень уступленных им территориальных комплексов и городов³⁰. Отсюда следует неопровержимый вывод: основная географическая информация сохранившихся ярлыков крымских ханов на Южную Русь и Подолье отражает исторические реалии осени 1362 г., в том числе и очертания возникших тогда рубежей Великого княжества Литовского на юге и юго-востоке³¹. Вставки, внесенные позже в географическую номенклатуру перечня ярлыков, касались главным образом наиболее восточной части Верхнего Дона и бассейна р. Ока, а также находившихся за пределами Великого княжества Литовского Великого Новгорода, Пскова и Рязани. Они не имеют прямого отношения к нашей теме и поэтому здесь не рассматриваются.

В результате своих исследований Ф. Петрунь пришел к выводу, что на крайнем востоке граница Великого княжества Литовского отсекала от ордынских владений пограничную с Рязанским княжеством Тулу (в середине XIV в. этот город вместе с округой составлял удел Тайдулы, жены хана Узбека) и территорию с «верховскими» городами, то есть расположенными в бассейне Оки и Верхнего Дона, — Берестей, Ретунь, Волконск, Спажск («Испаш»), Любутск,

30 К такому выводу пришел Ф.Е. Петрунь, изучив структуру перечня и «технологоию» воспроизводства текста интересующих нас крымских ярлыков. См.: Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну). *Східний світ*. К., 1993. №2, 133–134. Правда, номенклатуры этих перечней уже в первых двух ярлыках (1461 и 1472 гг.), сохранившихся в переводах на польский язык, несколько разнятся между собою. Различия вызваны исключительно ошибками переводчика, писаря или копиистов, допускавших пропуск некоторых из наименований или их искажение. Например, в перечне ярлыка Хаджи Гирея (1461 г.), а также в первом ярлыке Менгли Гирея (1472 г.) не указан Черный город (*Czorny horod*), названный в ярлыке от 2 июля 1507 г., искажено наименование города Дашов (*Teskye, Tasska*). В ярлыке 1472 г. слитно и в искаженной форме поданы наименования городов Тошичи и Немиров (*Tusiknemer*), которые вовсе не указаны в ярлыке 1461 г., как, впрочем, и город Ходоров (*Kudar*), обозначенный во всех последующих документах такого рода. Указанные отличия касаются главным образом населенных пунктов, расположенных в бассейне Южного Буга. Они носят локальный характер и, следовательно, не могут существенно повлиять на определение южной границы Великого княжества Литовского по данным ярлыков крымских ханов.

31 В связи с важностью для нашего исследования целостного вида перечня ярлыка Менгли Гирея от 2 июля 1507 г. приводим его здесь полностью:

Ино, што великии цри, дѣди нши, и великии црь, отць ншѣ дали, — по тому ж: Киевскую тму со всеми входы и данми, изъ землѣми, и з водами; Володимирскую тму со всеми входы и данми, изъ землѣми, изъ водами; Великого Луцка тму со всеми входы и данми, изъ землѣми, изъ водами; Смоленскую тму со всеми входы, изъ даньми, изъ землѣми, изъ водами; Подолскую тму со всеми входы, изъ данми, изъ землѣми и водами; Каменницкую тму со всеми выходы, изъ данми, изъ землѣми и водами; Браславскую тму со всеми выходы, изъ данми, изъ землѣми и водами; Сокалскую тму со всеми выходы и данми, изъ землѣми, изъ водами; Зьвинигород з выходы и данми, изъ землѣми, изъ водами; Черькасы зь выходы и данми, изъ землѣми и водами; Хачибеевъ и Маѣк з водами, изъ землями. Ино почоньши от Киева и Днепромъ и до устья. И Снепородъ, и Глинеськ со всеми их людѣми, Жолважъ, Путивль зь землями и з водами; Бирин, Синѣчь, Хотень, Лосичи, Хотмышль, Нитѣны со всеми их землѣми и водами, и выходы, и дами; Черниговскую тму со всеми выходы и данми, и землѣми, и водами; Рылеск з выходы и данми, изъ землѣми и водами; Курскую тму з выходы и даньми, и землѣми, и водами; Сараева сына Сгалтаеву тму, Милолюбъ зь выходы и данми, изъ землѣми и водами; Мужечь, ѡскол и Стародубъ, Брянськ со всеми их выходы и данми, и зь землѣми, и водами; Мченеськ и Люботеськ, Тула городъ со всеми их землѣми и водами, и выходы, и данми; Берестей и Ратунь, и Козелеськ, Пронско, шлконско, Испашъ, Донецъ со всеми их выходы и даньми, изъ землѣми и водами; Ъбу город, Балыклы, Караулъ, Чорный город, Дашовъ городицо, Тошичи, Немирь, Немир, Мушачъ, Ходоровъ со всеми их выходы и данми, изъ землями и водами» (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 8, л. 55–55 об.).

Мценск, Пронск, Козельск. По мнению Ф. Петруня, указанная территория была инкорпорирована в состав Великого княжества Литовского только во второй четверти XV в., наименования ее городов образуют особый абзац, который является вставкой «эпохи Хаджи Гирея» и в перечне разрывает собою звено Курск–Донецк»³². Далее в перечне в последовательном порядке названы населенные пункты и территориальные комплексы Курщины, Черниговщины и Путивльщины. «Границы в[великого] княжества в то время охватывали бассейн [Северского] Донца (*АЗР*, Т. 2, № 199) и доходили до Тихой Сосны на Дону, на котором список Швидригайла упоминает *Wronosz ta Gelesz* (т[ак] наз[ываемая] Галичья гора на юг от устья Быстрой Сосны), — обобщил свои наблюдения Ф. Петрунь. — На Сосне Воскр[есенская] летопись помещает Коршев, Курщина лежала как раз на углу — на соединении восточного и южного фронтов литовского государства»³³. Не менее важен также вывод исследователя о стабильности юго-восточного пограничья Великого княжества Литовского³⁴. В этом секторе Ф. Петрунь особо выделил Путивльщину, территория которой, по его словам, «тянулась узким сектором от Путивля на юг и на восток к верховьям Сулы, Псла и Ворсклы»³⁵. По его же мнению, находившиеся в ее составе и расположенные в верховье р. Ворскла населенные пункты Хотмышль, Бирин, Лосичи и Ницяны вместе с их волостями образовывали «внешнюю пограничную линию», что подтверждает и позднейший актовый материал³⁶. В конце группы левобережных городов в перечне назван Донец (Донецк), наиболее южный из них и известный еще с XII в.³⁷ Расположенный на оконечности лесного массива, что тянулся от р. Ворскла в южные степи, он был пограничным населенным пунктом Руси относительно территории Золотой Орды, начиная с середины XIII в.³⁸ Таким

32 Категоричность этого мнения Ф. Петруня объясняется тем, что ему не было известно исследование польского историка С. Кучинского, в котором доказано распространение сферы политического влияния Великого княжества Литовского на территории по Верхнему Дону и среднему течению Оки еще в 30–40-х гг. XIV в. См.: Kuczyński S.M., *Ziemia czernigowska-siewierskie pod rządami Litwy* (Warszawa, 1936).

33 Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну), 137.

34 Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну), 139: «Сравнение описей путивльских разьездов 70-х гг. XVI ст. (*Акты Московского государства*, I, 11) с данными переговоров о Путивльско-Черкасском рубеже в 1638 г. (см. *Дворцовые разряды*, II, 885 или 907) показывает полную устойчивость пограничной полосы (а не линии), этот рубеж достаточно детально очерчен в известной карте Боплана».

35 Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну), 138.

36 Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну), 138.

37 В настоящее время остатки древнерусского городища Донца находятся в пределах городской черты Харькова. Ф. Петрунь упомянул о Донце лишь в связи с возможной принадлежностью его к Курщине, о чем, по его мнению, «намекает список Швидригайла, который дает: Kuresk–Donyesk». Исследователь не указал местонахождение Донецка. В перечнях крымских ярлыков Донецк указан сразу после ряда «верховских» городов на Оке (Берестей — Ратунь — Козельск — Проник — Волконск — Испаш) и перед второй группой южных подольских городов днепровского Правобережья (Ябу-город — Балыклы — Караул — Черный город — Дашев). Ряд «верховских» городов в перечне Ф. Петрунь считал вставкой, сделанной в 1428 г. Если абстрагироваться от нее, то получим связку Тула — Донецк, очерчивающую в ярлыках владения Великого княжества Литовского на юго-востоке ранее 1428 г., а, возможно, и изначально.

38 Егоров В.Л. Граница Руси с Золотой Ордой в XIII—XIV веках. *Вопросы истории*. 1985, №1, 21. Исследователь пришел к выводу о стабильности русско-ордынской границы на Левобережье

образом, рассмотренные Ф. Петрунем историко-географические данные показывают, что на юге днепровского Левобережья граница Великого княжества охватывала верхнее течение Сулы и Псла и доходила до верховья р. Ворскла, вблизи которого, но восточнее, берет начало р. Тихая Сосна.

Сделанный вывод, по нашему мнению, свидетельствует в пользу того мнения, что начиная с 1360-х гг. граница Великого княжества Литовского с ордынской Степью на днепровском Левобережье, вероятнее всего, проходила в основном по руслу р. Ворскла, от ее верховья вплоть до впадения в Днепр. Оно подтверждается архаичной информацией ярлыков крымских ханов, свидетельствующей, что эта граница определенно не изменялась с начала 60-х годов XIV и до 30-х гг. XV в. Более того, согласно этой же законсервированной информации, граница была стабильной на протяжении всего XV и первой половины XVI вв., что уже противоречит сведениям других источников о существенных ее изменениях в ходе продолжительных московско-литовских войн, начавшихся в последней четверти XV в.

На правом берегу Днепра южной границей владений Великого княжества Литовского служило его русло. «Ино почонъши ѿт Киева и Днeпромъ и до устья», — подчеркнуто по этому поводу во всех текстуально не урезанных перечнях ханских ярлыков. Отсюда следует вывод, что данная фраза присутствовала уже в самом первом из них (архетипе). Далее на юго-запад от устья Днепра граница Великого княжества Литовского обозначена при помощи двух групп городов Южного Подолья, указанных в разных местах перечня. Первую из этих групп составляют городки Хачибеев³⁹ и Маяк⁴⁰. Они названы сразу после ряда

Днепра, поскольку «к востоку от Днепра северная граница Золотой Орды в XIV веке совпадала с распространением степной и лесостепной полос». См.: Егоров В.Л. *Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.* М., 1985, 52. Этот общий вывод следует откорректировать в соответствии с замечанием Э.С. Кульпина о стремительном наступлении степи на лес под воздействием человеческого фактора в данном регионе в конце XIII–XIV вв. См.: Кульпин Э. Борьба за природные ресурсы в XI–XV вв. *Природа и самоорганизация общества.* М., 2002, 118–137; Кульпин Э.С. *Золотая Орда (Проблемы генезиса Российского государства).* М., 1998, 90–95.

39 Хаджибеев (Хаджибей, Качибей) — один из предшественников современной Одессы, в XIV–XVI вв. укрепленный городок и порт Великого княжества Литовского на Черноморском побережье. Построен в начале 1420-х гг. одновременно с Чернгородом и Маяком подольским старостой Гедигольдом по распоряжению великого князя Витовта. Брун Ф.К. Путешествие Жильбера де Ланнуа по Южной России в 1421 г. *ЗООИД.* Т. 3. Одесса, 1852; Брун Ф. Судьбы местности, занимаемой Одессою. *Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России Ф. Бруна. (1852–1872 г.).* Ч. 1. Одесса, 1879, 179; Górka O. “Zagadnienia czarnomorskie w polityce polskiego średniowiecza, Cz. 1. 1359–1450,” *Przegląd Historyczny.* Т. X, з. 2, 1933, 361; Дашкевич Я.Р. Территория Украины на картах XIII–XVIII ст. *Историчні дослідження.* 7. К., 1981, 88–93; Гончарук Т.Г. *История Хаджибея (Одессы) 1415–1795. Популярный очерк.* Одесса, 1997; *История Хаджибея (Одессы) 1415–1795 гг. в документах,* за ред. Т.Г. Гончарука. Одесса, 2000.

40 Маяк, один из нескольких замков, построенных в начале 1420-х гг. по распоряжению великого князя литовского Витовта на пограничье его степных владений. Находился в устье р. Днестр, на левом берегу напротив Белгорода, при «Маякской переправе». См.: Броневский М. Описание Крыма (Tartariae Descriptio). *ЗООИД.* Т. 6. Одесса, 1867, 336. Французский рыцарь Жильбер де Ланнуа оставил свидетельство о том, как в 1421 г. войско подольского старосты Гедигольда построило в степи на берегу Днестра подобный городок. Значится в ряду юго-западных подольских городов в «Списке городов Швидригайла» 1432 г.: “Качакеновъ. Маякъ. Каравуль. Дошау, на границе Каспенъ». См.: *Свитригайло, великий князь литовский, или дополнение к*

городов (Каменец — Брацлав — Сокаль — Звинигород — Черкассы), которые вместе со своими округами отделяли северную часть Подолья от литовских владений на Волыни и Киевщине, и перед определением русла Днепра как подольской границы. Очень похоже, что таким образом в ханских ярлыках были обозначены северные, восточные и южные рубежи собственно ордынского Подолья, каким оно было к моменту его инкорпорации в Великое княжество Литовское⁴¹. Само собой разумеется, что южная часть подольской границы служила одновременно и границей владений Великого княжества Литовского на юге правобережного Поднепровья.

Вторую группу южных подольских городов составляют Ябу-город⁴², Балыклы (Балыклей, Балаклея)⁴³, Караул (Сторожевой город)⁴⁴, Черный город

историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. Сочинение Августа Коцебу. Перевод с немецкого. СПб., 1835. Дополн., док. СХХ, 11. Локализацию Маяка см.: Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу, 159–160.

- 41 Совершенно очевидно, что Южная Русь составляла первую значительную часть комплекса земель, присоединенного к Литве в 1362 г., а ордынское Подолье — вторую. В перечнях старейших ханских ярлыков наименования подольских городов, хотя и не поданы компактно, но выделены в особую рубрику, обозначенную собственным именем — «Подолье». Указанные обстоятельства позволяют предположить, что уже в первом ярлыке Подолье было представлено в виде территориально-административного комплекса с особым статусом и очерчено специальным образом как историко-территориальная область, составлявшая ранее часть государственной территории Золотой Орды.
- 42 В настоящее время Ябгу-город ханских ярлыков отождествляется с замком XIV–XV вв. Синие Воды и современным пгт Торговица Кировоградской области. Согласно данным «Книги Большому чертежу» замок Синие Воды находился на р. Синюхе, в 70 верстах от впадения ее в Южный Буг. См.: *Книга Большому чертежу или древняя карта Российской государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 года.* Изд. 2-е. СПб., 1838, 103. О его локализации см.: Шабульдо Ф. Синьоводська битва 1362 р. у сучасній науковій інтерпретації. *Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях.* К., 2005, 18.
- 43 Локализуется в устье р. Чичаклей, правом притоке Южного Буга. См.: Петрунь Ф. Степове Побужжя в господарськм та військовім укладі українського пограниччя. Замітки до Броневського та Боплана, 99–101. Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу, 165–166. Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну), 141.
- 44 Сведения о Карауле содержатся в нескольких разных источниках, что указывает, по-видимому, на одновременное существование под этим наименованием по меньшей мере двух населенных пунктов. Так, например, ханские ярлыки называют Караул всегда в территориальной близости с побужскими городками Ябу-городом, Балаклеей, Чернгородом и Дашевым (Очаковым). Их сведения повторяет т. н. «Список городов Швидригайла» (1432 г.) и жалованная грамота польского короля Владислава III подольскому старосте Теодору Бучацкому на замки Караул, Чернгород и Хаджибей от 1443 г. (см.: Грушевский М.С. Местное управление и шляхетское землевладение в польской Украине в XIV–XV вв. *АЮЗР.* Ч.8. Т.1. К., 1893, 25–27). Польский историк XV в. Ян Длугош, сообщая об объезде королем Владиславом II Ягайлом в сопровождении Витовта (Александра) южных земель ВКЛ летом 1411 г., отметил, что Ягайло «из Киева, оставив в нем Александра, великого князя литовского, сел снова на корабль и поплыл до Черкасс, оттуда через Звинигород, Соколец, Караул и Брацлав прибыл в Каменец». (*Jana Długosza kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich, ksiąg dwanaście.* Т. IV, ks. 11,12 (Kraków, 1869), 39). То есть, со слов Длугоша следует, что Караул, как и Соколец, находился в верховье Южного Буга между Звинигородом и Брацлавом. Третий источник — жалованная грамота польского короля Владислава III подольскому старосте Теодору Бучацкому от 1443 г. — называет «Караул на Днестре» рядом с причерноморскими городами Хаджибеем и Дашевым. Расхождение источников в сведениях о Карауле ускользнуло от внимания многих историков, что обусловило наличие в историографии разных результатов локализации этого городка. В. Антонович и М. Грушевский определяли Караул в оклице г. Рашков на Днестре (Грушевський М. *Історія України-Руси.* Т. 4. К., 1993, 502). Ф. Петрунь, присоединился

(Чернь, Чернгород)⁴⁵ и Дашов-городище⁴⁶, некогда находившиеся вблизи Черноморского побережья в бассейне среднего и нижнего течения реки Южный Буг, а также в низовьях Днестра и Днепра. В ярлыках крымских ханов ее замыкают населенные пункты Тошичи, Немир, Мушач и Ходоров, возможно приписанные позднее. Их местонахождение до сих пор не установлено достаточно точно. Вся эта группа из 9 городов названа в самом конце перечня сразу после Донца, после большой группы населенных пунктов днепровского Левобережья, Верхнего Дона и Оки.

Ф. Петрунь обратил внимание на разрыв по Днепру, сделанный составителем первого ярлыка при перечислении городов Подолья. Он, однако, не указал на его причину, поскольку, как представляется, не соотнес русло Днепра ниже Киева с юго-восточной границей Подольской земли⁴⁷. По нашему мнению, специфика перечня городов Подолья была присуща ханским ярлыкам изначально и предназначалась она не только для того, чтобы очертить с юго-востока и юга границы новых владений Великого княжества Литовского в Южной Руси в целом, но и, особенно, пределы бывшего ордынского Подолья. Этот прием давал возможность отделить территории, пожалованные Мамаем великому князю литовскому Ольгерду, от владений Мамаевой Орды и особо зафиксировать на письме территориальный состав и границы уступленной Литве Подольской земли. Современным же историкам он дал достаточно точное описание юго-восточной границы Великого княжества Литовского к исходу 1362 г.

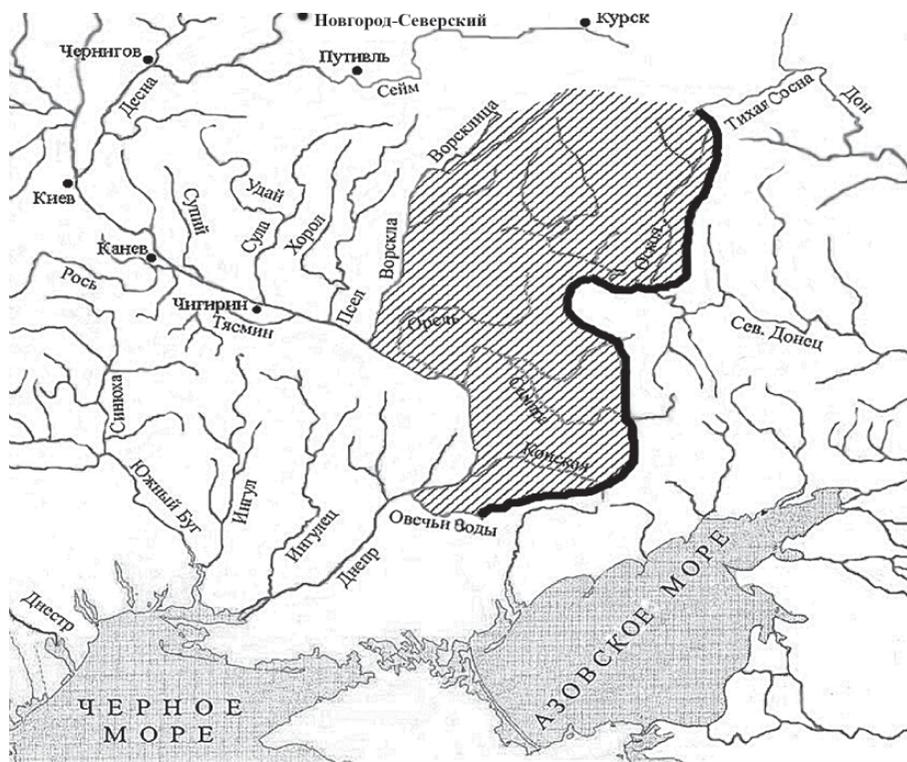
Итак, в распоряжении современного исследователя имеются два одновременных описания южной границы Великого княжества Литовского. Первое из них, составленное на основании данных трех историко-географических источников, датированных 1362, 1396 и 1432 гг., фиксирует ее очертания на середину 30-х гг. XV в., то есть почти к началу истории «Семеновых людей». Второе, датированное в специальной литературе концом 1450-х гг. и представленное актом «обвода» ее черкасским наместником Свирпловом, отражает изменения в этой же границе, возникшие в связи с инкорпорацией Великим княжеством Литовским территории «Семеновых людей». При сравнении этих двух описаний одной и той же границы не трудно заметить расхождение их показаний относительно того ее участка, который начинался от русла р. Ворскла и заканчивался возле русла реки Овечьи

к их мнению, заметив, что это городище находилось «на границі степного і лісостепного району, на важливій переправі». Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі, 182; Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу, 162.

45 По версии Ф. Петруня, находился на левом берегу Днестра несколько выше Маяка. Сведения источников об этом степном городке см.: Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу, 158–159.

46 Локализуется в устье Южного Буга на его правом берегу. Назван был Очаковым после того, как его заново построил хан Менгли Гирей в 1494 г. См.: Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі, 141.

47 На это указывает следующая фраза Ф. Петруня: «В перечне населенных пунктов этого района мы ясно видим линию разрыва. После упоминания о Качибееве и Маяке следует текст, относящийся к Левобережью («ино почонши от Киева» и заканчивая Донецком); далее идет продолжение списка подольских городов – Ябу-городок и др.». См.: Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі, 140.

Территория «Семеновых людей», присоединенная к Великому княжеству Литовскому в конце 1450-х гг.*

Воды на Нижнем Днепре. Этот участок границы представлен в более позднем документе в виде специальной вставки, которая имеет такой вид:

А по той стороне Тавоня с Перекопскою землею граница вашей милости по Овечу воду и вверх Овечее воды, а от верховъ Овечое воды – вверх Сомора и вверх Ория аж до Донъца, а от Донъца – по Тихую сосну⁴⁸.

Отмеченное расхождение в двух одновременных описаниях южной границы Великого княжества Литовского несомненно свидетельствует о наличии на исходе 1450-х гг. в его составе новой территории, ранее не зафиксированной историческими источниками.

48 LM: 12, 82. Dok.72.

* Искренне благодарю Максима Васильевича Потапенко, коллегу из Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя, за существенную помощь в создании этой картосхемы.

Эта территория (приблизительно 85,2 тыс. кв. км) представляет собой степное пространство, прилегающее слева к Днепру от русла Овечьей Воды на юге и до Тихой Сосны на севере, и ограниченное с востока верховьями Овечьей Воды, Самары, Орели и Северского Донца. Она, по всей вероятности, и есть та срединная часть Дешт-и-Кипчака, которая после разгрома Орды Сеид-Ахмета сначала на протяжении двух–трех лет принадлежала Крымскому ханству, а затем была уступлена его основателем и первым правителем Хаджи Гиреем Великому княжеству Литовскому и лишь в конце XV в. в крымско-литовской дипломатической корреспонденции получила наименование «Семеновых людей»⁴⁹. В заключение заметим, что «Семеновы люди» — это последнее крупное территориальное приобретение Великого княжества Литовского в его истории.

49 До распада Золотой Орды эта территория находилась в составе ее правого крыла (Ак-Орды). Известно, что в конце XIII в. она была частью владений всеильного временщика Ногая, граница которых на востоке проходила по Дону. После разгрома Ногая в конце 1298 г. степное междуречье Дона и Днепра перешло в собственность ближайших родственников правящих в Сарае ханов. Часть этой территории, прилегавшая к рекам Конские Воды и Овечьи Воды, что ниже Днепровских порогов, принадлежала монгольскому племени кыйят, которое обосновалось в этих местах еще в середине XIII в. Из княжеского рода этого племени происходил темник Мамай, следовательно, в 40–70-х гг. XIV в. именно он владел левобережным Запорожьем по праву наследства (ЛМ: 5, 180. №106. 9; Русов А.А. *Русские тракты в конце XVII и начале XVIII в. и некоторые данные о Днепре из атласа конца прошлого столетия*. Е.(?), 1876, 95, 111–112). От одного из сыновей Мамаю, осевшего после гибели отца в пределах восточной части Киевского княжества, вели свой род князья Глинские, достигшие расцвета могущества и влияния к концу XV в. В середине 1390-х гг. в степях Левобережья, возможно, вблизи или севернее порогов на Днепре находился улус Таш-Тимур-оглана, принадлежавшего к потомкам сына Джучи, Тукай-Тимура. Летом 1395 г. он организовал в этой местности упорное сопротивление войскам Тамерлана (Сафаргалиев М.Г. *Распад Золотой Орды*. Саранск, 1960, 167), а через два года после встречи с войском Витовта в степях Приазовья был вынужден покинуть родные места и поселиться вместе со своей ордой в Литве. После распада Золотой Орды степи Днепровско-Донского междуречья последовательно контролировали наиболее могущественные орды Дешт-и-Кипчака – ханов Улуг-Мухаммеда, Кичи-Мухаммеда и Сеид-Ахмета.